

И.А. Григорьева

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ

Поводом для этой статьи послужило 20-летие институционализации социальной работы в России в 2011 г. Считается, что и социальная работа, и общество потребления являются продуктами развития капитализма. Однако и то, и другое в России заметно обогнало развитие капитализма. Вопрос этой статьи заключается в том, как общество дефицита, где не было бедных — традиционных клиентов социальной работы, превратилось в общество потребления с развитой социальной работой.

Ключевые слова: *безработица, клиенты социальных служб, клиентизм, культурная травма, общество потребления, развитие социальной работы, социальные потребности и притязания.*

Key words: *development of social work, clientism, cultural trauma, the consumer society, the social demands and aspirations, a recipient of public welfare, unemployment.*

В 2011 г. исполняется 20 лет с момента записей в Тарифно-квалификационном справочнике о новых профессиях: социального работника и специалиста по социальной работе, а также начала высшей профессиональной подготовки таких специалистов в Российской Федерации. Примерно столько же времени появляются публикации о том, почему оказалась нужна эта новая специальность, почему быстро стала массовой, как ее можно теоретически обосновать или как помыслить, чтобы дискурс социальной работы приобрел более теоретически, а главное — практически обоснованный характер. Однако поводом для этой статьи послужил не только данный мемориальный факт, но и противоречивый характер изменений общества, которое особенным, российским или постсоветским образом, восприняло интервенционистский проект государства, которым является социальная работа. Дело в том, что и профессиональная социальная работа (не путать с милосердием и прочими моральными долгами!), и общество потребления являются продуктами развития капитализма.

Однако и то, и другое в России, возникнув примерно в одно время, заметно обогнало развитие капитализма. Как и почему это оказалось возможным?

Советское «общество дефицита» в период роста уровня жизни с конца 1960-х и до конца 1980-х гг. стало «обществом отложенного потребления», накопило огромный запас нереализованных потребностей, с одной стороны, и поступающей информации о западных социальных государствах, с другой. На фоне пропагандистских усилий советского государства по строительству «общества коммунистического труда» практики трудовой имитации были весьма изощренными, а трудовая мотивация и производительность труда — невысокими. Типичный образец рефлексии этой ситуации в известной народной мудрости: «Вы делаете вид, что нам платите, мы делаем вид, что работаем». К тому же «в центр политики была поставлена утопическая для той системы производства задача максимального удовлетворения все возрастающих потребностей людей. Сдвиги в уровне жизни были превращены в ключевые индикаторы, по которым населением оценивалась политика государства. Такая идеология оказалась бомбой замедленного действия, заложенной самой властью под социалистическое государство. Неразрешимое противоречие между потребительскими устремлениями масс и ограниченными возможностями слабо развитого производства ... подтолкнуло революцию притязаний. Категория “притязания” фокусирует внимание на целях, *«самостоятельно устанавливаемых человеком для себя, в отличие от тех целей, которые он (она) вынужден(а) принимать и преследовать под давлением обстоятельств»* (Ильин 2005: 14).

Более того, в современном социальном государстве, в том числе и российском, мы сталкиваемся с невиданным ранее ростом социальных требований и тем, что минимально приемлемые уровни социальной обеспеченности, озвучиваемые в этих требованиях, постоянно повышаются, но никогда не снижаются. Индивидуальные притязания, благодаря сложившейся с начала 1990-х гг. социально-экономической конъюнктуре, быстро приобрели характер «социально обоснованных требований». Это говорит о том, что развивая технологии обеспечения социальных прав человека, современное государство вовремя не озаботилось воспитанием социальной ответственности, что быстро привело к клиентизму, т.е. забвению личных и социальных обязанностей слишком многими.

Если социалистическое государство в отношении большинства населения действовало как потребитель их трудовых ресурсов, то современное государство стремится добиться политической лояльности и активности на выборах. Оплачивая занятость по минимуму, оно считает задачей поддерживать бедных, давно не работающих и поэтому социально пассивных людей. А общество демонстрирует замечательный консенсус лишь по одному поводу — мерилom жизненного успеха являются возможности потребления!

Так некогда «левые» манифестации Маркузе и уверенность Хабермаса в том, что социальное государство само порождает свою клиентуру и заинтересовано в ней, находят вполне очевидное подтверждение в развитии социальной работы в России (Хабермас 1993). Видит эту проблему и российский исследователь: «Противоречие между уровнем притязаний и реальными возможностями

их удовлетворения порождает парадоксальный принцип: либо на уровне стандартов, либо ничего. В повседневной жизни это проявляется в отказе от низкооплачиваемой, непрестижной или грязной работы при отсутствии иных вариантов» (Ильин 2005: 30). В результате возникает парадоксальное противоречие: с одной стороны, безработица, а с другой — наличие большого числа вакантных рабочих мест, занимаемых мигрантами из сельской местности или «ближнего зарубежья», на фоне очевидной ксенофобии «принимающего» неработающего населения. При том очевидном факте, что в России множество депрессивных территорий, где работы уже давно нет и в обозримом будущем не будет, очень мало людей готовы сменить место жительства в поисках работы.

Те процессы, которые происходили в России и ряде стран восточной Европы на рубеже 1980–90-х гг., П. Штомпка описывает как состояние «пост» и культурную травму (Штомпка 2001). И действительно, граждане неожиданно и обнаруживают непригодность усвоенных с детства норм социальных взаимодействий. Люди потеряли ориентацию в социальном пространстве. Как в рамках вульгаризированного марксизма («бытие определяет сознание»), так и в ставшем широко известным структурном функционализме индивиды рассматриваются как те, чья активность направлена на встраивание в социальные структуры, адаптацию к заданным извне условиям и требованиям социальной среды (Giddens 1991). Поэтому и в рамках обществоведческого дискурса, и в повседневной жизни, и в СМИ много внимания уделялось не возможностям преодоления ситуации и выстраивания новых моделей жизни, а обсуждению «безграмотных/безответственных действий реформаторов, невозможности адаптироваться и жить в новых условиях и т.п.». Здесь и возник быстрый рост спроса на социальную работу, которая легко встроилась в привычный российский «жалостливый гуманизм». А возможность распоряжения «гуманитарной помощью» сделала «собес» популярным местом, расширило круг его посетителей и потребителей. Функциональная и необходимая в первые годы либерализации социальная работа в дальнейшем стала источником дисфункций, т.е. тех наблюдаемых последствий, которые уменьшают приспособление или адаптацию системы (Мертон 1968). Поэтому в общественном сознании роль государства все еще связана с социальными гарантиями и заботой, а понимание того, что сегодняшнее государство предлагает только возможность участия в конкуренции за социальные блага, отвергается, равно как то, что часть общества благодаря возникшей конкуренции выиграла, а часть, безусловно, проиграла.

Место России в современном мире связано не только с радикальными, проводимыми на макроуровне экономическими и социальными преобразованиями или ценами на нефть, но и с качеством ее человеческого потенциала, со способностью населения на микроуровне поддерживать модернизационные инициативы. Соответственно, без анализа процессов, идущих на микроуровне, невозможно ответить на вопрос о том, насколько успешно Россия может справиться с вызовами, стоящими перед ней на современном этапе (Гудков 2010). Более того, в последние годы все более очевидно, что без изменения ценностей и норм, разделяемых индивидами на микроуровне, не смогут сложиться цен-

ности и нормы, на которых основываются новые необходимые для развития социальные институты, и Россия постоянно будет испытывать «дефицит институтов» (Тихонова 2008: 5-23). Добавим, что отсутствие частной собственности у большинства людей и интереса к предпринимательству для ее возникновения, по мнению многих, — основной институциональный дефицит. Без опоры на собственные источники существования, не связанные с наймом у государства или бизнеса, люди будут гражданами только «раз в четыре года» или немного чаще во время политических волеизъявлений. Обобщая перемены последних десятилетий, известный специалист З.Х. Саралиева отмечает: «С начала 90-х годов XX века в западных странах, а в последние годы и в России происходит смена парадигмы в социальной работе. Необходимо отказаться от понимания клиента как объекта социальной работы, это категория устаревшего словаря. Нельзя улучшить ситуацию человека, если он этого не хочет, этому сопротивляется или еще не умеет этого делать, изменения помогают тому, кто в них нуждается и к ним готов. Клиенты социальной работы — не обязательно бедны, больны, одиноки. Современный мир, стремительно меняясь, порождает целые слои не успевающих адаптироваться людей, нуждающихся в помощи извне» (Саралиева 2008: 5-6).

Для реализации трудовой политики в новых условиях у государства не хватило ни организационных, ни рефлексивных ресурсов, что и привело к ее провалу по всем направлениям. Однако это был провал с точки зрения перспектив развития занятости и рынка труда, а не с точки зрения создания клиентальной группы «длительно безработных». Ведь если пособие может конкурировать по потребительским возможностям с утраченной зарплатой, то оно предпочтительнее. Впрочем, последний результат все же возник скорее от недомыслия, чем преднамеренно... Второй причиной было развитие служб занятости/социальных служб, которые предложили довольно большой пакет социальных услуг людям, оказавшимся в «трудной жизненной ситуации», не слишком вникая в причины возникновения подобной ситуации, исходя из того, что «мы все живем в трудное время». Неуклонно росла часть средств Фонда занятости, расходуемая на пассивные выплаты, и снижалась — используемая на переподготовку, профориентацию и даже на общественные работы. В каком-то смысле социальные службы предложили свой подход к солидаризации общества, генерализуя как предлагаемую помощь, так и причины, из-за которых она была необходима.

Однако это изменение акцентов было связано и с объявленным поворотом на либерализацию всех общественных отношений, а значит, и социальной политики. Либерализация же социальной политики и означала отказ от акцента на трудовых, заработанных правах, и перенос его на универсальные «права человека» или «социальные права», по выражению Т. Маршалла. Данная концепция исходит из априорной ценности любого человека, а не из его приобретенных прав, размеров вклада в общественные дела, реализации способности к самообеспечению и пользы, принесенной другим, начиная с собственной семьи. Либеральный ценностный подход находится в довольно очевидном противоречии не только с трудовой этикой советского времени, но, шире, принци-

пами социал-демократии и защиты трудовых прав. Ведь каким бы ни было наше отношение к советскому прошлому, такие его лозунги, как «дорогу человеку труда» или, жестче, «кто не работает, тот не ест», никогда не подвергались публичному сомнению, особенно со стороны официальных лиц. Конечно, как было отмечено выше, в повседневности отношение к ним было вполне амбивалентное.

В течение последних десятилетий результатом принятия мер по фактическому дестимулированию занятости населения, вкуче, естественно, с весьма серьезными проблемами уменьшения объема промышленного производства, с одной стороны, и низким уровнем заработной платы в производстве большинства услуг — с другой, является ситуация в современной России, где значительная часть населения имеет низкие доходы, т. е. официально относится к категории «малообеспеченных», т.е. бедных и имеющих легитимное право на социальную помощь. Пытаться подсчитать, сколько же бедных в России, на наш взгляд, совершенно бессмысленно, поскольку в стране значительная часть производства и потребления находится «в тени», поэтому официальная статистика доходов ничего не дает для понимания ситуации. Гораздо интереснее обратиться к данным о расходах населения, в том числе расходах на покупку предметов длительного пользования. Но и эти данные скорее дадут представление о динамике покупок «среднего класса», каким бы он ни был. Но интенсификация потребительских практик среднего класса, безусловно, позволяет воспроизводиться «вторичному обществу потребления», поскольку быстрее сменяется все: одежда, обувь, телевизоры, компьютеры и т.п. Выросшее разнообразие не выброшенных, а поставленных рядом с мусорным баком вещей, автор наблюдает последние годы*. Так возникает весьма нередкое сочетание мотиваций общества потребления, социалистической привычки использовать вещи до физического износа, отсутствия денег на покупки новых вещей и возможности не слишком ограничивать себя в потреблении.

Что же касается объемов производства продуктов питания, производимых для самообеспечения или реализации, или услуг, оказываемых на неформальной, обменной основе, то подсчитать их стоимостной эквивалент практически невозможно. Так же невозможно подсчитать, какое количество людей пользуется в основном подобными источниками жизнеобеспечения и улучшения потребления, особенно в малоизученных социологами сельской местности и небольших городах.

О рациональности пассивной адаптации людей, живущих в социально-депрессивной среде мелких населенных пунктов, уже указывается в литературе. Менять свою ситуацию они не хотят, поскольку там, где нет работы, есть жи-

---

* Двор, где стоят мусорные баки, закрыт на кодовый замок «от чужих и от бомжей». Установки замка добилась дворник, поскольку рядом, на улице Чайковского, все дворы давно закрыты и мусор действительно приносили из соседних дворов. Однако бомжи быстро нашли способ проникать к бакам. Дворник, в свою очередь, за небольшую плату, организовала во дворе парковку, так как в районе припарковать машину можно было только на газоне или проезжей части.

лье. В настоящее время привязанность к квартире и регистрации сформировала у населения в России нечто вроде нового крепостного права и реально не дает развиваться трудовой мобильности, в которой нуждается экономика. Но при этом есть многочисленные социальные службы, в которых можно получить материальную помощь, талоны на еду или на какие-нибудь услуги и, в конце концов, пособие.

Получатели пособий в России — довольно разнородная группа (здесь можно встретить людей с высшим образованием или вовсе без него, работающих и безработных и т. д.). Полевые исследователи отмечают, что их объединяет очень важное свойство: они обладают социальными компетенциями, способны оформить те или иные документы (отметим, оформление документов на получение помощи от государства — достаточно долгосрочная процедура, требующая определенных знаний и навыков). Также отмечено, что поиск респондентов через службы социальной защиты не является универсальным способом выделения «чистого случая», однако получение «категории», «группы инвалидности» и их желательного следствия — каких-либо льгот является хорошим индикатором «социальной успешности» человека.

Мы уже отмечали, что выступления пенсионеров в 2005 г. связаны не столько со снижением уровня их жизни, сколько со снижением их социального статуса. Вместо социального почитания, выраженного в льготе, они получили денежную компенсацию, которая уравнивала их с получателями любых других выплат (Григорьева 2006). А по мнению В.И.Ильина, «это также движение ущемленных потребителей, у которых отняли возможность потреблять в прежних масштабах ряд жизненно важных товаров и услуг (проезд в общественном транспорте, пользование телефоном). Никакие причитания оппозиции по поводу свертывания политических свобод, ограничений права слова и продолжающейся войны в Чечне не могли вызвать никаких заметных признаков протеста. Но в первые же дни, когда пенсионеры оказались не в состоянии пользоваться прежними услугами, началось массовое возмущение» (Ильин 2005: 36).

Наличие социальных компетенций предполагает, что они должны помочь своему носителю выйти из ситуации бедности, но реальная ситуация менее однозначная, компетенции помогают и надолго стать получателем государственной социальной помощи. При этом нужно также продемонстрировать не слишком обустроенное жилье и наличие других проблем, например, болезней. А накопительные счета в банках в России не проверяются, для этого нет законных оснований. При этом данные статистики, получаемой из органов социальной защиты, которые помогают оформить пособие государственной социальной помощи (малообеспеченным), используются, укрупняются, обобщаются и на их основе делаются выводы о наличии бедных. Но причины бедности, ее глубина, возможность выхода из ситуации бедности не оцениваются. Более того, и у клиентов, и у социальной службы нет мотивации в локализации или определении срока решения проблем, как принято за рубежом: «Пребывание в статусе клиента неизбежно завершается через получение помощи социальных служб», пишет известный специалист (Пейн 2007: 30). Он подчеркивает

цикличность процесса, в котором социальная служба, клиент и социальная работа как деятельность по помощи влияют и обуславливают друг друга. Этот процесс «создания клиентов» социально сконструирован и почти всегда ограничен по времени.

В российском же варианте социальной работы у клиентов закрепляются патерналистские ожидания и стандартизированный под ожидания социальных служб тип поведения. Люди думают не о том, посредством каких усилий улучшить свою жизнь, а о том, что государство обязано их защищать от проблем жизни, предоставляя гарантии, пусть и минимальные. Естественно, никакие социальные инновации в такой ситуации невозможны и развитие нашей страны в последние годы этот тезис подтверждает.

Социология традиционно опирается на понятие «общества как такового». Однако современное общество стало во многих отношениях очень сложным, это более атомизированное, более индивидуализированное общество. В современной антропоцентрической социологии рефлексия таких тем, как риски модернизации общества и обновления «жизненного сценария» или «сценария жизненного пути индивида», занимают куда большее место, чем прежде. Получается, что социальная работа, накопившая значительный материал о разнообразии таких рисков, девиаций или маргинальных ситуаций, в которые человек может попасть, подхваченный «поток» трансформаций общества, получает заметную фору перед социологией, которая традиционно была занята «компактным большинством» или «социальными нормами». Во всяком случае, тот факт, что социологи в последние годы пытаются не употреблять понятие «девиация» и развивать толерантный к социальной ненормативности язык, является определенным индикатором смены направления интереса в социологии (Гишинский 2009). Поэтому сложившееся отношение к теории социальной работы как деривату частных социологических теорий может быть поставлено под вопрос. Как актуальная социологическая теория, теория социальной работы еще не обросла солидным списком классиков, признанных авторитетов и канонических текстов. Однако границы проницаемы, о чем свидетельствует, например, блестящая статья Н. Лумана «О формах помощи» (Луман 2001) и многочисленные работы Ю. Хабермаса (Хабермас 1993; 2005).

Сегодня, когда социальная работа рассматривается как важнейший, уже прошедший легитимацию и сложившийся социальный институт, нелишне напомнить, что этот институт функционирует под влиянием, а часто и давлением государства. Изучавшие функции власти французские социологи отмечают, что «государство способствует, и не только через порождаемый им спрос, структурированию концептов, проблем и представлений, возникающих в голове у исследователей, подчиняя их своим собственным целям и действиям. Интеллектуалы, предрасположенные думать с помощью государства и для государства, изучают объекты, заранее сконструированные государственным здравым смыслом. Однако не стоит отчаиваться из-за ограниченной самостоятельности, которой располагают социальные науки. Надо быть бдительными и находить средства, позволяющие понять разного рода принуждения, действующие на эти науки» (Пэнто 2004: 100, 107).

* * *

Приписывание протетических качеств перестало быть «хорошим тоном» в обсуждении проблем человека. Но на каких моделях человека строить теорию социальной работы в пространстве отсутствия социального диалога и моделей отношений/взаимодействий?

Очевидно, что за последние двадцать лет новая трудовая этика жизненных достижений еще не сформировалась. Напротив, очевидно, что либо личное обогащение либо формирование клиентального статуса опережает трудовую мотивацию и делает ее нелепой. Учитывая специфику мотиваций населения, характер расселения в стране и то, как непоследовательно государство реагирует на реальные сложности получения оплачиваемой занятости, вряд ли трудовая мотивация сформируется. Население в значительной массе предпочитает гарантии возможностям и уже воспроизвело одно поколение, выросшее в новых условиях, но приверженное этим советским, по сути, нормам.

В том же время быстрое развитие социальной работы стало возможным, поскольку, что бы ни происходило в стране, число клиентов росло. Сама социальная работа институционально развивалась не только благодаря финансовой поддержке государства, но и поскольку удачно включилась в ожидания общества, т. е. ожидания заботы и жалостливый гуманизм. Благодаря быстрому росту числа клиентов социальной работы произошло формирование «вторичного общества потребления» (Ильин 2005: 26), распространение которого в России существенно выше, чем где-либо, поскольку в развитых странах преобладает этика трудовых достижений, а в менее развитых — нет нефти для содержания «квалифицированных клиентов».

Поэтому российское общество дефицита, где не было ни бедных, ни социальной работы, быстро превратилось в общество потребления с развитой социальной работой.

Литература

Гудков Л.Д. Есть ли основания у теоретической социологии в России? [http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=425]

Григорьева И.А. Социальная политика и пожилое население в современной России: вызовы и возможности // Мир России. 2006. № 1.

Гилинский Я.И. Социология девиантности: новеллы и перспективы // СОЦИС. 2009. № 8.

Ильин В.И. Россия как реальность. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность // Мир России. 2005. № 2.

Луман Н. Формы помощи в процессе изменения общественных условий / Пер. Д.В. Озирченко, А.Н. Малинкина // Социологический журнал. 2001. № 3.

Мертон Р. К. Явные и латентные функции // Структурно-функциональный анализ в современной социологии. М., 1968. (Информационный бюллетень ССА. № 6. вып. 1.)

Пейн М. Социальная работа: современная теория. М.: Академия, 2007.

Пэнто Л. Государство и социальные науки // ЖССА. 2004. № 2.

Саралиева З.Х. Система социальной работы. Монография. Н. Новгород: НИСОЦ, 2008.

Григорьева И.А. Развитие социальной работы в российском обществе потребления

Тихонова Н.Е. Социокультурная модернизация в России (Опыт эмпирического анализа) // *Общественные науки и современность*. 2008. № 2.

Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // *Теория и история экономических и социальных институтов и систем*. Т. 1. 1993. Вып. 2. М., 1993.

Хабермас Ю. Кризис государства благосостояния и исчерпанность утопической энергии // *Хабермас Ю. Политические работы*. М.: Праксис, 2005.

Штомпка П. Социальное изменение как травма // *СОЦИС*. 2001. № 1.

Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья 2-я) // *СОЦИС*. 2001. № 2.

Giddens A. Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991.